

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Юрию Аюбовичу Хагурову, члену Союза писателей России, присуждена ежегодная премия Администрации Краснодарского края им. Е. Ф. Степановой за книгу повестей и рассказов «Жизнь коротка, как журавлиный крик».

ПАНОРАМА

● В культурной жизни Краснодарского края произошло знаменательное событие. По решению поселкового совета районная библиотека станицы Ленинградской (Уманской) стала носить имя выдающегося писателя Бориса Евгеньевича Тумасова. Станица Ленинградская – родина писателя, здесь он окончил школу, отсюда ушёл на фронт.

Б. Е. Тумасов получил большую известность в России и странах СНГ как писатель-историк. Им написано более 30 книг, общий тираж которых превышает 6 млн экземпляров. Он награжден многими литературными премиями.

Библиотека имени Бориса Евгеньевича Тумасова, расположенная в большом трехэтажном здании, пользуется огромной популярностью у читателей станицы. В начале июня 2012 года директор библиотеки Панасенко Анна Александровна и заведующие отделов приехали в Краснодар, чтобы лично поздравить Бориса Евгеньевича. К их поздравлениям искренне присоединяется и редакция газеты «Кубанский писатель»!

● 27 мая, в Общероссийский День библиотек и в связи со 100-летием сочинской библиотеки им. А. С. Пушкина, рядом с нею был торжественно открыт памятник великому поэту работы сочинского скульптора, директора Художественного музея Петра Хрисанова.

В торжестве приняло участие большое число сочинской интеллигенции, в т.ч. руководители библиотечной системы города В. В. Волков, Л. А. Андреева и члены Союза писателей России Юрий Александров, Николай Ситников, Александр Силаев и Валерий Клебанов, чье четверостишие выгравировано на задней стороне памятника.

В. З. Клебанов также выступил на торжестве со стихотворением, специально написанным по этому поводу (на фото).

Заместитель главы города по социальным вопросам Ирина Романец, которая вместе с мэром Анатолием Пахомовым явилась вдохновителем создания памятника, отметила в своей речи большое творческое достижение скульптора и поздравила жителей города с этим знаменательным событием.

Рядом с памятником великому поэту участниками торжества был посажен молодой дубок как символ нестареющей пушкинской лиры.

Дмитрий Альбинин

● В Ейске, в городской детской библиотеке, прошли творческие встречи с секретарями правления Союза писателей России Василием Дворцовым и Светланой Макаровой. Они рассказали о своих новых книгах, ответили на вопросы читателей. Мастер-классы и семинарские занятия прошли в литературном объединении «Парус», руководит которым поэт Людмила Алексеевна Чекменёва. Состоялся большой профессиональный разговор, по итогам которого многие авторы получили высокие оценки и добрые отзывы.

(О работе ЛИТО «Парус» читайте на стр. 8)

ПО СЛЕДАМ СОБЫТИЙ

Алексей ШОРОХОВ

О Марате Гельмане в Краснодаре

Как известно, открытие выставки Icons директора Пермского музея современного искусства «PERMM» Марата Гельмана в Краснодаре в назначенное время не состоялось из-за бурных протестов казачьей и православной общественности.

В час, когда должно было состояться открытие, здание проверяли кинологи с собаками из-за звонка о заложенной бомбе.

Замначальника полиции УМВД по городу по охране общественного порядка Александр Папанов сообщил собравшимся, среди которых были как протестующие, так и желающие попасть на выставку, что мероприятия не будет. Это объявление протестующие встретили аплодисментами, передал «Интерфакс».

Лидер информационных продаж и известный медиа-скандалист, изнемогающий на галереях «современного искусства», галерист и рейтинговый кавалерист Марат Гельман снова дал о себе знать. Между прочим, член Общественной палаты при президенте РФ. Откуда он там взялся, спросите? Да, так, замнутся... как о нежелательной беременности... ветром надуло. И покосятся на Кремль. Есть такой ветер – эффективной политики. Или фонд. Не помню.

Да и неважно, просто Марат Александрович опять вступил в борьбу. За «новое», прости Господи, «искусство». Против казачьей и (что то же самое) православной общественности. Что называется, бодался телёнок с дубом. Усердно, задрав хвостик. Желавшие могли бы подойти, заглянуть под хвост – это у Гельмана когда-то называлось: «Заглянуть в глубь России» (буквально, под хвост корове – одно из «произведений искусств» галериста). Подходили, заглядывали, кричали... Говорят, приезжали машины с мигалками: тоже подходили, заглядывали...

Но это в прошлом, а теперь уроженец солнечного Кишинёва и с недавних пор коренной москвич г-н Гельман вступил в борьбу культурную жизнь Кубани (и, говорят, Новосибирска). Гельману не обрадовались.

Не думаю, чтоб его это сильно расстроило, ведь главное любимцу бывшего президента, а нынешнего премьер-министра – вновь напомнить о себе, потом опять где надо срастётся, а злые языки опять, конечно же, что-нибудь нехорошее скажут. Уже давно говорят. Мол, не на шутку обратились взоры

галериста в сторону Сколково, туманятся от набегающих слёз и вдохновения. От сумм из госбюджета, которые предстоит освоить. Город-будущее, город-мечта, нанолобовь президента. Бывшего.

Так и видишь – снуют туда-сюда вдохновенные нанотехнологи и инженеры будущего, а у них между ног бегают и лают «человек-собака» Кулик (друг, а по совместительству и «произведение искусства» Гельмана). Нужду справляет, блох вычёсывает. А рядом стоит в трусах и боксёрских перчатках другой друг (и тоже «произведение искусства») Александр Бренер, и тоже что-то вычёсывает. А поодаль, под охраной спецназа ФСБ, рубит топором муляж Корана ещё один друг (и, само собой, тоже «произведение») Тер-Оганян (рубить православные иконы-то, как раньше, уже не актуально). И всё это весело так, креативно.

Идёт себе, понимаешь, бредёт какой-нибудь нанотехнолог по этому городу будущего, задумался, а тут – гав, «собака-Кулик» его за ногу схватил! Перепугается, известное дело, сердешный, да с перепугу-то и изобретёт очередное нано для наноРоссии. А не изобретёт, сам виноват – его на выходе уже Бренер в боксёрских перчатках поджидает. Рай, просто рай для науки. Живи и жмурься.

Говорят, уже и макет такого города будущего стоит в бывшем кабинете Суркова. Из папье-маше. С бегающим на четвереньках Куликом. Надо полагать он там заодно и «суверенную демократию» охраняет, Кулик-то.

Одна досада – что голый. Поэтому во время посещения патриарха – макет закрывают тяжёлой бархатной завесой. Только поскуливание и доносятся. Это наше будущее скульпит...

Но не одними биеннальными страстями распалается животолубивая натура Марата Александровича. Тесно ему там, сами понимаете, в биеннальной узости. Большого художника в рамках галерейной эстетики не удержишь! Он ведь всё вокруг себя норвит сделать «произведением»: и четвероногого друга Кулика, и себя, грешного, и мир, и даже политику, которая этим миром играет и потряхивает!

А тут и само происхождение в помощь: сын советского драматурга Александра Исааковича Гельмана (из революционных, не тех, разумеется, что на каторгу, а тех, что за госпремией там или путёвкой в Коктебель), Марат Алексан-

дрович от отца получил не только революционное имя, но и огромную долю здоровой революционности (которая без каторг) и интерес к политике.

И здесь его послужной список не менее внушителен, чем галерейный. Правда, друзья уже не четвероногие, а всё больше двуногие, солидные, с коробками из-под ксерокса, на машинах с мигалками.

Пионер, а возможно и октябрьёнок политического пиара в новой России, Марат Гельман кого только не «раскручивал»! Кто только не пользовался услугами кишинёвского имиджмейкера: предвыборный штаб недоброй памяти Ельцина и «Конгресс русских общин» (был такой), либерально-западный «Союз правых сил» и патриотическая «Родина», «альтернативный мэр Москвы» Кириенко и уж вовсе несусветно-архивный Интернационал (да-да, кроме шуток – с 2005 года Гельман член Социал-демократической партии России). В общем, очень разные мужчины пользовались его услугами. Но мужчины вообще народ такой, они, как известно, разного характера услугами пользуются. Вот и услугами Гельмана тоже.

Он же, в свою очередь, с не менее завидной лёгкостью их меняет. Особенно трогателен роман Марата Александровича с глазьевско-рогозинской «Родиной», которую политтехнолог «раскрутил» в Госдуму. Под националистическую («понаехали тут») и антиолигархическую сурдинку. А после... после по следам уже расслабившихся «Товарищей» (первоначальное название «Родины»), тайными тропами провёл к ним в лагерь зондер-команды того самого олигархического капитализма. Со священной коровой политкорректности и проскрипционными списками «антисемитов», среди коих значились уже и Рогозин, и Бабурин, и другие недавние соратники. То есть таки сдал «товарищей». За банку варенья и коробку печенья. Ну, или за коробку из-под ксерокса...

Такой вот он, наш октябрьёнок политтехнологий и Мальчиш-Плохиш.

Но это я – нет, не в осуждение, напротив – в защиту свободы, совести и однополый любви к искусству. Или двуполой. Или вообще – полой. Но любви. Ведь здесь, как в Библии: «Авраам родил Исаака...» Весь двадцатый век в «свободном искусстве» и политике и было это самое «родил».

Итальянский «свободный художник», футурист Маринетти родил Муссолини (итальянский фашизм), австрийский «свободный художник», пейзажист Шикльгрубер родил Гитлера (тоже известно – что)... Ну, а чего мог родить молдавский «свободный художник», галерист Гельман на тощих нивах точной российской демократии? Человека-собаку? Или человека-боксёрские перчатки? Очередной скандал? Скучно, господа, скучно. Особенно с навыком торговать артефактами как артишоками.

И здесь на помощь искусству приходит логика: когда не можешь «чего-нибудь значительного» родить, надо «чего-нибудь значительного» съесть. Из уже рождённого. И Марат Александрович успел. А у нас, как известно, кто успел, тот и съел.

Вот и неунывающий Гельман съел во время оно кремowego Ленина (в виде торта), за что получил среди своих ласковое прозвище «шоколадный Азеф реальной политики и модернизации». Был такой «свободный художник» начала двадцатого века – террорист и провокатор Азеф, выполнял заказы левых эсеров и охранки одновременно. Тем не менее, место себе в истории застолбил.

Про Гельмана тоже говорят, что застолбил. Если не в политической, то в истории «современного искусства» точно. И не токмо поеданием прошлого. Были, были и до него на этом попроще старатели, тот же Демьян Бедный – уж на что только ножку не задирали в дореволюционном прошлом России! И где теперь тот Демьян?

Нет, не так у внуков и правнуков Демьяна! После нынешнего «поедания прошлого» естественным разрешением биеннальных потуг, по мысли теоретиков «нового искусства», должен был стать «единый продукт человечества», который «не зависит ни от цвета кожи, ни от разреза глаз, ни от формы уха».

На сегодняшний день известен только один такой продукт – он действительно не зависит ни от цвета кожи, ни от разреза глаз. Зависит только от качества съеденной накануне пищи. Его, этот продукт, как правило, и демонстрируют современные галеристы, эти неугомонные прорабы модернизации и наноискусства, за что опять же вполне заслуженно попадают в прозу такого проверенного экскрементатора, как Сорокин, – и уже в качестве полноправных персонажей.

ЮБИЛЕЙ

«ТЕПЛОМ ВЕСНЫ СОГРЕТЫЙ...»

Прочитав заголовок этой статьи, многие читатели, непременно вспомнят и лучезарный «Краснодарский вальс», и выдающегося поэта, воспевшего наш город, – Виталия Борисовича Бакалдина.

Некоторые литераторы обижаются или стесняются, когда их называют краснодарскими или кубанскими. «Я – русский поэт», – поправил однажды оратора некий уважаемый юбиляр. А Бакалдин гордился тем, что он краснодарец. Одна из его поэм, посвященная родному городу, называется «Объяснение в любви». Чтобы писать о Краснодаре, ему не нужно было спускаться в лабиринты библиотечных книгохранилищ, копаться в архивах и в справочниках. История Краснодара была историей его собственной жизни. Он рос и взрослел вместе со своим городом. Его отец, Борис Александрович, заслуженный строитель, иногда брал сына с собой на работу и показывал, как растут новые школы, больницы, детские сады.

*Ухватив отца за палец,
Я парил, как в небесах,
Несмышлениш-краснодарец,
На строительных лесах.*

Под ногами маленького Виталия пестрым лоскутным одеялом расстилался старый Краснодар: «одноэтажный сон разлинейных квадратно узких улиц городских, тополей, стоящих статно у калиточек кривых». Но уже поднимался и новый город. На углу Мира и Красной (Сталина) в 1936 году открылся Дворец пионеров и в числе его первых активных посетителей был девятилетний Виталий. Драматический театр в ту пору располагался на углу Красной и Гоголя, (где нынче филармония). После войны разрушенное здание театра было восстановлено, и в конце 50-х здесь состоялась премьера спектакля «Человек с последней парты» Виталия Бакалдина и Вагаршака Мхитаряна.

Воспитанную с младых ногтей гордость своим городом Бакалдин пронес через всю жизнь. В его стихах нет фальшивой ностальгии по дореволюционному Екатеринодару. Его Краснодар – не утопающая в грязи казачья станица, а город новостроек, город рабочих, строителей, студентов, ученых, врачей, музыкантов... В то же время Бакалдин – отнюдь не поэт «городского масштаба», а выдающийся художник, сумевший в своем творчестве передать черты своей эпохи, как он сам говорил: «времени примет».

Одной из таких «примет» был патристический порыв нашего народа во время Великой Отечественной войны. Когда враг рвался к Краснодару, 15-летний Виталий и его друзья вступили в народное ополчение. Это было для них естественным поступком. Мальчишеские впечатления о войне навсегда врезались в память будущего поэта и впоследствии воплотились во множество стихов. Среди них – «Краснодарская быль» о юных героях, которые, «не успев принять святой присяги», стояли насмерть за свой город, наравне с горсткой взрослых бойцов. Трое суток краснодарские школьники держали оборону, и многие навеки остались лежать на подступах к Краснодару, не сделав ни шагу назад.

Бакалдину пришлось пережить и горечь оккупации, и счастье освобождения родного города от немецких захватчиков. 12 февраля 1943-го поэт всегда отмечал, как свой второй день рождения. Ведь в этот день он и его товарищи Женя Оленин, рискуя жизнью, собственноручно взяли «языка» – двух немецких солдат. Мальчики привели пленных куда положено и убежали. У них даже и в мыслях не было, что они совершили геройский поступок, за который полагался орден. А потом Виталий и Женя первыми из краснодарцев спустились по темным ступеням в злое подвал гестапо. Ужас от увиденного там на всю жизнь остался в сердце поэта и впоследствии вылился в строки незабываемых стихов.

Виталию Борисовичу не было и тридцати, когда его приняли в Союз писателей СССР, где он оказался единственным поэтом-учителем. Центральная краснодарская детская библиотека недаром теперь носит имя Бакалдина. Десятки талантливых произведений поэт создал для детей и подростков, среди них «Алешкины приключения», добрая и мудрая поэма «Стихи о хлебе», стихотворения «Каска», «Горный мед», «Травы-муравы», «Полевая сумка» и, конечно, трепетная поэма «Царевна-недотрога», напечатанная в журнале «Юность». Сейчас многие учителя предпочитают писать о чем угодно, только не о детях. А Бакалдин писал о своих учениках. В одном из стихотворений он сравнил труд учителя с трудом «буксира» – маленького неказистого пароходика, который выводит на рейд океанские лайнеры.

Пусть ни один из учеников Бакалдина не превзошел своего учителя на поэтическом поприще, но все «птенцы его гнезда» – люди особенные. Они хранят неизгладимый отпечаток «бакалдинской» интеллигентности. Это люди редкой внутренней культуры, сдержанные в оценке своих достоинств. Бакалдин и сам был лишен самодовольства и чванства.

Жизнь Виталия Борисовича, по его собственному выражению, была «счастлива многолюдна». Своими друзьями он считал не только выдающихся ученых, врачей, певцов, писателей и поэтов, но и тех, кого за неимением более

точного слова называют «обыкновенными» или «простыми» людьми.

В далеком 1979 году Бакалдину позвонили из какой-то конторы с просьбой сочинить стихи для пожилой кассирши. Женщины провозжали на пенсию и хотели «порадовать стихами известного поэта». В ту пору Бакалдин находился в зените своей славы. Около десяти лет он возглавлял писательскую организацию Кубани, избирался депутатом краевого и городского Советов трудящихся, в состав крайкома КПСС, руководящие органы Союза писателей, редактировал ежемесячник «Кубань»... Стоит ли говорить, что его рабочий день был распisan по минутам, а телефон буквально разрывался от всевозможных деловых звонков.

Но он от просьбы не отмахнулся. Более того, написать стихи для незнакомой женщины-труженицы Бакалдин счел большой честью для себя. Так появилось стихотворение «Социальный заказ», которое вошло в большинство поэтических книг поэта, и которое ясно показывает, с каким уважением в то время относилась творческая интеллигенция к людям труда.

Советское прошлое многие уже не помнят или не знают. Оно уходило постепенно, изгоняемое новыми веяниями. Его вытесняло не только торжество «свободы и демократии», но и торжество грубой силы, денег, обмана, воинствующего бескультурья. Бакалдин до последнего своего часа боролся с темными силами смутного времени. Стихи

Отъезд писателей на Неделю куб лит в Москве. В. Б. Бакалдин в центре.

реперполняли его душу, лились рекой. В них отразились его гражданская позиция, мировоззрение, идеалы, которые он никогда не менял и смело отстаивал, кто бы ни находился у руля власти.

Ему было больно, что некоторые его друзья так быстро и легко, без единой морщины на лбу изменили своим взглядам. Но еще больше он был возмущен лицемерием высоких партийных руководителей, которые, бросив страну на произвол, занялись устройством личного благополучия.

*Мои поистрепались миокардии,
И скачет сердце, дробно семеня...
Я никогда не выходил из партии,
А партия вдруг вышла из меня.*

На протяжении тринадцати лет Бакалдин редактировал газету «Литературная Кубань», дочернее издание «Вольной Кубани». Несмотря на то, что газета не поступала в свободную продажу, а распространялась только по подписке, круг её читателей был весьма широк. Бакалдинская «Литературка» стала трибуной талантливых поэтов, писателей и общественных деятелей-патриотов. В ней печатались не только профессиональные авторы, но и «самородки»

из разных уголков нашего края. Их Бакалдин особенно любил и пестовал.

В бывшем Дворце пионеров (который теперь называется как-то по-другому, пышно и непонятно) Виталий Борисович занимался с детьми в литературной студии «Лукоморье». Мне часто доводилось присутствовать на таких уроках. На первый взгляд казалось, что поэт учил детей премудростям стихосложения, но на самом деле он учил их, как надо жить: быть честными и добрыми, заступаться за слабых, любить мать, отца, Родину. В его устах простые, прописные истины звучали, как откровение. Не знаю, стал ли кто-нибудь из юных питомцев Бакалдина настоящим поэтом, но настоящими людьми они, наверное, стали.

Он был рыцарем своего времени. Трудно приходилось его оппонентам: умный, находчивый, энциклопедически образованный, он умел блестяще отстаивать свою точку зрения. Мало кто решался вступать с ним в устную дискуссию один на один, но в прессе иногда проскальзывали недружественные выпады. Когда я спросила его, почему он не отвечает своим критикам, он сказал с улыбкой:

– Не царское это дело. Есть вещи поважнее...
– Какие, например?

– Да много чего! Вот, например, любовь.

Через всю жизнь он пронес одну-единственную любовь к «лучшей из женщин», к которой «ушел не на минуту, а до тех... до самых... до без...».

Влюбившись в юности в свою однокурсницу, красавицу Женечку Грановскую, поэт прожил с ней в счастливом браке более шестидесяти лет. Евгения Владимировна любила вспоминать, как после скромной свадьбы ей пришлось поехать по распределению в станицу Атаманскую, а Виталия пригласили работать в Краснодарскую железнодорожную школу. Каждый день молодой поэт присылал любимой жене письма в стихах. И вдруг по непонятной причине письма стали задерживаться... В чем дело? Оказывается, почтовые работники, узнав о необычной переписке влюбленных, стали тайком вскрывать конверты и переписывать стихи к себе в тетрадку. Наверное, это были первые поклонницы таланта Виталия Борисовича...

Верная и любящая Евгения Владимировна не смогла пережить потерю любимого человека и через полгода ушла вслед за ним.

Последний творческий вечер Виталия Борисовича, посвященный изданию его новой поэтической книги, состоялся в октябре 2009 года в Доме работников просвещения. Тепло и доверительно беседовал поэт со своими читателями. Зал был битком набит, и все слушали, затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Никто не знал,

что Бакалдин прощался со своими друзьями-читателями, что вышедшая книга стала для него прощальным подарком, что исполненный в тот вечер «Краснодарский вальс» звучал для него в последний раз...

*Теплом весны согретый,
Зеленой весной одетый,
Краснодар мой, Краснодар мой,
Город юности, город родной!*

Каждый раз, проходя мимо пятиэтажного дома на углу Чапаева и Рашиповской, останавливаюсь в волнении. Сколько незабываемых мгновений, сколько уроков мастерства и просто непринужденных дружеских бесед благодарно вспоминают сейчас многочисленные друзья Виталия Борисовича. Когда-то Пушкин сказал о своем старшем товарище, Чаадаеве: «Его дружба заменила мне счастье». Многие из нас могут сказать то же самое о Виталии Борисовиче Бакалдине.

Он ушел в бессмертие, оставив нам свои стихи – лирические, раздумчивые, патристические, ироничные, тревожные. Такова и наша жизнь, которая не дает нам «ни минуты покоя». Другой, к сожалению, нет.

Людмила Бирюк,
член Союза писателей России

ЮБИЛЕЙ

* * *

Хлопнули двери на лестничной клетке...
Ахнуло эхо...
Пришла тишина...
В книге раскрытой пестреют пометки
Те, что строчила она.
Долго ли памятью будет храниться
Все улетевшее вместе с весной,
Или прочитанной книги страница
Просто забудется мной?

Июнь 1946 г.

Слепой

Он шёл, вперёд вытягивая руку,
Выстукивая палочкою путь,
И сердце вслед мучительному стуку
Слепая обволакивала жуть.
Я чувствовал себя перед солдатом,
Судьбой военной сброшенным во тьму,
Беспомощно и жалко виноватым
За невозможность свет вернуть ему.

1946 г.

Неуютно

В комнате
Уют и чистота.
Яркий свет стушеван абажуром.
Почему же комната пуста -

такпуста,

Что эхо звонким гулом?
В ней тепло,
По-зимнему тепло,
И хозяйку вьюга не пугает...
Но печалью сердце замело -
Самого большого не хватает:
Сизого табачного дымка,
Нарушений «правил» поминутно
И мужского гулко баса, -
Без которых

очень
неуютно.
1946 г.

* * *

Это ничего, когда иной
Говорит стихами о любви...
Не беда, что искренний, простой,
Он стихи читает не свои.
Хуже вот, когда иной пиит
В тех стихах неправду говорит.

1947 г.

* * *

Подумаешь, какая малость:
Свидание не состоялось!
Причина в случае пустом...
Но то отчаянье и горе
В наполненном слезами взоре
Как счастье вспомнятся потом.

21.03.1948 г.

Травы- муравы

1.
Высокие травы-муравы,
Растёте вы,
Травы,
На славу!

Зелёные скинув рубашки,
Белеют-желтеют ромашки.
Краснеют нарядные маки,
Как в новых бешметах казаки.
И, словно разливы реки,
Небесная синь -
Васильки.

И мы босоногой оравой
Росли-подростали на славу.
В студёной воде полоскались,
По тёплой земле кувыркались.
И наш заводила курносый
Водил нас по горным откосам,
По страшным сыпучим лавинам,
По влажным пахучим ложбинам.
Весёлой гурьбой босоногой
Росли мы

Отцам на подмогу.

Белея залётной пушинкой,
В пруду одинокой кувшинкой,
От наших мальчишек в сторонке

Росла-подростала девчонка.
Не то, чтобы чудо красивой,
А просто хорошей на диво,
А просто такой синеглазой,
Как яркое небо кавказа,
Как синяя заводь реки,
Как в травах цветы васильки,
И хлопчики в тайне глубокой
Вздохали по той синеекой...

2.
Весной поднимаются травы.
И мы выростали на славу.
И мы становились сильнее,
С весной встречаясь своею.
Да только пришлось нам недолго
Девчонку любить из посёлка,
Да только пришлось нам не вечно
Дружить с заводилой беспечным.
И было нам всем по семнадцать,
Когда довелось распрощаться,
Когда по военным дорогам
Пошли мы отцам на подмогу.

Война прокатилась по склонам,
По скалам,
По травмам зелёным.
И в горной родимой сторонке
К тем травам прильнула девчонка,
Как будто сломила усталость,
Прильнула -
Да так и осталась.
Не маки цвели в изголовье -
Ромашки
Окрасились кровью...

Знакомые травы
В карпатах
Весной повстречались солдату.
И здесь паренька из посёлка
Ударило рваным осколком.
Упал автоматчик курносый
На травы,
На вешние росы...
И только с умолкнувшим сердцем
Забылось далёкое детство,
Забылись кавказские склоны,
Где рос он парнишкой влюблённым.

3.
Остались уже за горами
Дороги,
Пройдённые нами.
Домой воротившись с победой,
Сосед обнимался с соседом.
И чарка ходила по кругу,
И все поздравляли друг друга.
А после
Товарищи встали
И долго о чём-то молчали,
И слушали все,
Как в сторонке
Мальчишка смеялся с девчонкой.

Далёкого детства забавы,
Растёте вы,
Травы,
На славу!

Зелёные скинув рубашки,
Белеют-желтеют ромашки.
Краснеют нарядные маки,
Как в новых бешметах казаки.
И, словно разливы реки,
Небесная синь -
Васильки.

1953 г.

Полевая сумка

Красный, разлохмаченный сердитый,
Ученик стоит передо мной.
На столе дневник лежит открытый,
Вынутый из сумки полевой,
Несколько тетрадок в пятнах рыжих,
Из «литературы» два листка
И вконец разбухшая от книжек
Сумка -
Вечный спутник паренька.
В комнате, куда вошли с мороза,
Весело потрескивает печь...
Как начать -
С внушения, с угрозы -
Мне свою учительскую речь?
Матери пожаловаться, что ли?
Мать окаменела у окна...
Ей самой бы жаловаться школе -

Нас там много,

А она - одна.

Днём на службе, вечером готовит,
Ночью сыну штопает носки,
За столом подкладывает вове
Самые завидные куски.
Худенькая, как она боится
Лёгкий хрип услышать у сына.
Так за что же жалят единицы
Чуть не с каждой строчки дневника?
В чёрной рамке
Молодой военный
Со стены глядит на нас в упор...
Был бы жив, не вёл бы я, наверно,
Неприятный этот разговор.
Я взглянул на сумку полевую
И на старой сумке фронтовой
Борозду заметил пулевую -
И возник перед глазами бой...
Что мне говорить?
Как в полдень жаркий
В наступленье роту вел отец?
Как его у безымянной балки
На суглинок повалил свинец?
Рассказать,
За что он умер в поле?
Для кого он юность отстоял?
Восемь лет
Над сыном бились в школе,
Чтобы он всё это понимал.
И я снова начал речь об этом,
Как боец от имени бойца,
Как отец!
Но было мне ответом
Злое нетерпение юнца.
Не сдержавшись,
Я шагнул к лентяю,
Ростом чуть не равному со мной.
- Книжки вон!
Я сумку отбираю.
Ты не стоишь сумки фронтовой!
...И когда я уходил,
Не веря
Даже в свой отчаянный порыв,
Ученик за мной рванул к двери
И остался,
Руки опустив...

1953 г.

Лиана

Твои неслышные объятья!
Так удивительно легки!
Но не могу,
Не в силах снять я
Прозрачной маленькой руки.
Я разорвать уже не в силах
Сомкнувшийся на сердце круг
По-детски
Трогательно милых,
Но беспощадно
Женских рук.

1957 г.

Буксир

Пахнет пристань настоем смол,
И вздыхает прибой о многом.
Корабли уходят за мол
К океанским большим дорогам.
Корабли повидают мир,
Побывают на всех широтах.
Режет воду в порту буксир
В повседневных своих заботах.
Невелик, неказист собой,
За моря он не возит грузов,
И ему не достать трубой
До высоких якорных клюзов.
Обвели для него черту -
От родимых причалов близко
Копытаться в своем порту,
Где ему вручена приписка,
Разворачивать корабли,
Выводить на рейд великанов,
Чтоб за молом они могли
Разбивать валы океанов.
Нет, не даром он хлеб свой ест,
На судьбу не таит обиды.
Где-то светится южный крест
И сверкают льды антарктиды.
Корабли уходят за мол
К океанским большим дорогам...
Дышит пристань настоем смол,
И вздыхает прибой о многом.

1958 г.

* * *

Я сдал стихи - и стало пусто.
Таков всех пишущих удел.
И у меня такое чувство,
Как будто я осиротел
Всё, мной добытое с годами,
Трудом, по капле, день за днём,
Всё то, что стало вдруг стихами
Во мне, в сознании моем,
Всё то, над чем не ради скуки
Я в одиночестве сидел,
Теперь возьмут чужие руки -
Таков всех пишущих удел.
Мой стих оценят и осудят
Единым росчерком пера
С ним не роднившиеся люди,
Как я - с утра и до утра.
Стихи уходят к новой грани.
Стихи идут к строке строка.
Кого из них смертельно ранит,
Кого заденет лишь слегка...
Я не могу сказать:
- Не троньте!
Меня ударьте, так и быть! -
Готовый как отец на фронте,
Сынов собою заслонить.

И провожаю я глазами
Последние ряды столбцов.
Ведь сыновья воюют сами,
Вдали от дома, без отцов.

1959 г.

О сердцах

Неумелыми
Руками
Онемелыми
Словами
Разбиваются сердца -
Ведь они не из свинца.
И однако,
И однако
Меж людей бывает всяко:
Как тяжёлую свинчатку,
В злобе под ноги швырнут
Кровью полную клетчатку -
Удивительный сосуд.
И рассыпалось на части
Человеческое счастье!
Разбиваются сердца...
Надрываются сердца...
Устают стучать за годы
И не смеют замолчать,
Как машины,
Как заводы,
Чтобы снова всё начать.
Чтобы после выходного
Снова,
Снова,
Снова,
Снова
Для борьбы
И для любви
Воскрешать дела свои!
Говорят,
Что есть стальные...
А какие остальные?
Из какого же дрянца,
Скажем, сердце подлеца?
Уточнение матерьяла,
Что для нас всего первой,
Медицина потеряла
В диагностике своей.
Измеряет всех упрямо
Электро-
Кардиограмма.
Ловит каждое мгновенье,
Чертит графики биения,
Отвечая на вопрос,
Сколь значителен износ.
И глядишь подчас:
Стальное,
Молодецкое,
Лихое
Почему-то вдруг больное,
Почему-то вдруг плохое...
Ткани мышц,
Аорты-трубки
Вдруг отслужат до конца...
Как крепки
И как вы хрупки,
Настоящие сердца!

1960 г.

ЮБИЛЕЙ

КРАЕУГОЛЬГАЯ СИЛА ВДОХНОВЕННОГО СЛОВА КУБАНСКОГО КОБЗАРЯ...

К юбилейным дням поэта Сергея Хохлова

Синей ночью с 4 на 5 июня, ровно 85 лет назад, на далекой смоленской земле в деревне Мелехова родился Кобзарь земли кубанской, тот, кто напишет знаменитые «Кубанские синие ночи.....», которые исповедально легли на душу и стали словами гимна для каждого кубанца, как слезы первые любви к своему родному тополиному краю... Сергей Никанорович Хохлов, сын крестьянский, что родился на земле и, от земли вразумляясь, воспел каждый вздох ее, каждый трепет травяной, каждый шорох дождя по листе, каждый треск весенней почки как крик нарождающейся жизни!.. Благословенна та ночь, травяные запахи которой вдохнул всей грудью будущий поэт и... щедро напоял их снами весь мир, всю вселенную и даровал-доверил ее самому целомудренному существу на земле – ребенку.

*Принесу домой я донник,
Чтоб дышали полем стены,
Чтобы детские ладони
Пахли снами всех растений...*

Ровно 55 лет назад вышел в Краснодарском книжном издательстве первый сборник стихов Сергея Хохлова «Весенняя зорька». Потом их будет двадцать пять: «Люди такие разные», «Белые струги», «Долгий день», «Неожиданность», «Берег тишины», «Предчувствие», «Неизбывный свет» «Избранная лирика» и пр. и пр. Будут в жизни известного на всю страну поэта Сергея Хохлова Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького, публикации в столичных журналах «Октябрь», «Наш современник», «Молодая гвардия», за ними последуют заслуженные литературные премии и звания: «Заслуженный работник культуры РФ», «Почетный гражданин города Краснодара», ветеран войны и труда; будут написаны и спеты свыше 60 песен, созданных на стихи Сергея Хохлова композиторами Г. Пономаренко, В. Захарченко, Г. Плотниченко, С. Чернобаем, Ю. Булавиным, В. Ушаковым. Но завораживает и притягивает своим чудом именно момент рождения. Русская земля дала миру Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Есенина, Кольцова, Кузнецова и всякий раз рождение нового таланта как вспышка, как озарение земли – нечеловеческое, от Божьей искры... Сегодня мы имеем счастливую возможность, вопрошая, услышать голос самого поэта о том, как дано было ему рождение Свыше: «Я хорошо помню, что приводило в трепет мою кровь, когда мне было 5-8-10 лет... Окружающая меня природа. Я просто пил ее, не чувствуя насыщения. Как сейчас вижу: стою над покатым травянистым полем, между травой синенькие, желтенькие, аленькие цветочки, бурный июньский вечер катит их, пригибая к земле, я весь в трепете, мне кажется, я сам с этими травинками, цветочками лечу в неизвестный, волнующий меня мир, даже, кажется, чувствую как травинки секут мои ноги. Я не знал тогда, что именно в этот момент природа питала меня своими силами, шло главное душевное наполнение. И насколько полно сберегу в себе эти ощущения, настолько впоследствии будет полно мое слово». Эта неразрывная связь души поэта с душой (дыханием!) природы и явилась критерием поэтического таланта и художественной состоятельности стиха:

*Что-то ушло из стиха современного,
Что-то томящее и сокровенное,
Неуловимое глазом...
Душа,
Ты ль со своим удивленьем ушла?*

«Душа – это то, что делает человека человеком, дерево деревом, траву травой, – скажет Георгий Скворода. – Без души человек – труп, дерево – дрова, а трава – сено». Именно эту, главную премудрость жизни – постижения души и духа всего сущего – не застили для Сергея Хохлова тома книжного фарисейства, вводящие ум в лукавый соблазн анализа, синтеза... Ключевыми для понимания глубинной органики стихов поэта являются его признания: «Во мне поэзия закреплялась не строчками стихотворений, а образами, которые, на мой взгляд, имеют власть фантастическую! Когда рождаемые во мне природой образы приводили мою душу в трепет, входили в память, оставались во мне навсегда». «Навсегда» – в поэзии С. Н. Хохлова это слово означает не пафос, в нем заключена метафизика ухода, образ того сущего, родного, с чем лирический герой – казак, страдающий по Родине на туретчине, предстоит перед Богом в самый последний миг жизни:

*И не просил награды-ордена,
Просил лишь
Чтоб в последний миг
Над ним раскрыли небо Родины,
Где слышен вольной птицы крик.*

Не героическое, но эпическое, идущее от Гоголя, в высоком, предсмертном крике-прощании сыновьем: «Бать-ко, ты меня слы-шишь?» и ответе-благословении Отца на уход: «Слы-шу-у!» – проступает в стихах Сергея Хохлова как

родовая, от духа православного идущая и не иссякаемая в веках сила русскости:

*Сто тонн земли на грудь легло.
Все думали, что мертв,
А он, глядите, вот!
Зайдет к соседу: «так-то, брат!
Не просто нас руками брать...
Зарюют нас, а мы живем
И в День Победы чарку пьем!»*

Как и А. П. Чехов, Сергей Хохлов родился в Мелехове. Но с именем русского по духу и мужественного Сергея Хохлова больше становится в один ряд имя родившегося на смоленщине Александра Твардовского. Чехов, умирая в Германии, в гостинице «Зоммер» ушел из жизни так же, как и писал, манерно (не случайно он признан автором самого красивого слога): выпил бокал шампанского, отвернулся к стене – и умер.

Как и А. Твардовский, Сергей Хохлов – народный певец. Ветерана – казака, исполнявшего песни и «думы» под аккомпанемент украинского народного инструмента – кобзы

или бандуры на Украине назвали Кобзарь. Стихи Сергея Хохлова, что взорвали душу самого поэта рубежными смыслами двух веков, очень эпичны по звучанию – даже в тех строках, в которых острота любовного чувства исповедальна до последней ноты:

*Я лишь одно прошу у неба,
Прошу ни золота, ни хлеба,
Но чтоб с рассветною росой
Прошла Она – и вспыхнет камень
В огне ноги ее босой.
И денно буду ждать и ночью
Ее – лишь как безумцы ждут.
Как может быть спасенья Божья
Сходя в могильный мрак не ждут.*

Глубоко эпичны и на первый взгляд, прозаичны по тональности строки, повествующие о бытовой стороне жизни двух любящих сердец:

*Весь век бранился он со старой,
И люди думали, что им –
Что там двора! – земного шара,
Земного шара мало им!*

Но поэт Хохлов метафизичен, и ему введома истина тех душевных посылов и чувств, которые остаются после ухода, за гранью земных треволнений, словно в остатке. Они – настоящие:

*И там, где вырос холмик свежий,
Где очень тихие места,
Старик, большие руки свесив,
Стоял часами у креста.*

Предельно скупое, с особым аскетизмом настоящего мужского чувства – лишь бы не расплескать, – говорит поэт о главном, о том, что сакрально и выражается без слов:

*Мы спешились.
С ее волос искристых сполз платок:
Как дико пахли волосы дурманом!
Как нежно пел полночный костерок!
Я не солгал, я рассказал о главном.*

Как научиться сегодня этому утраченному чувству главного? Возрождению, обретению, воспитанию этого чувства и посвящены, по сути, все стихи Сергея Хохлова последних лет, в которых он, глядя на происходящее глубинным, библейски умудренным взглядом, с болью за Россию простым немудреным словом говорит страшные, апокалиптические вещи, не придавая им никакого философского или идейно-эстетического статуса:

*России нет... Не надо возмущенных
И гневных фраз. А истина проста:
Есть горстка душ, искусно разобценных,
давным-давно не помнящих родства.
Их лица скорбны, а глаза их тусклы,
Под небом мысль России не царит...
Есть чисто говорящие по-русски,
Но это ни о чем не говорит.*

Вряд ли читатель после этих строк захотел бы еще раз открыть сборники стихов С. Н. Хохлова (сказаны вещи очевидные, и сказаны без лукавства, как обычно произносится последняя в своей истине житейская правда), если бы в них не находил ответа на последний свой вопрос: что же дальше? А дальше, отвечает Сергей Хохлов, должен последовать твой, личный, персональный ответ на этот апокалиптический вызов истории. Чтобы Господу понятно было в судный день: к плевелам ты себя относишь или зернам? воскрешать ли тебя к жизни вечной или ты сгинешь бесследно?

У Сергея Хохлова – поэта, гражданина, заслуженного героя войны и труда и просто православного «простого смертного» – есть свой путь к бессмертию, который он, четырнадцатилетний мальчишка, лишившись отца, открыл для себя, работая в спецэкспедиции на Омской железной дороге, осваивая профессию плотника-бетонщика на стройках Краснодара:

*В безмолвье века я не кану,
Мой знак в созвездье не померк,
Но лягу я надежно камнем
В дороге города навек.*

Краеугольный камень всех поэтических замыслов и чаяний Сергея Хохлова – в той неудержимой энергии и духовной мощи созидания, жизнотворения, которой дышит каждый образ, каждая строка:

*И я упрямой силой движимый,
Расслышу стон живых корней –
И слезы женщины униженной,
И хамский свист и ор над ней.
В моей груди взорвется ревность.
И на пути их став как крест,
Я сокрушу невежд надменность,
И хамству выражу протест....*

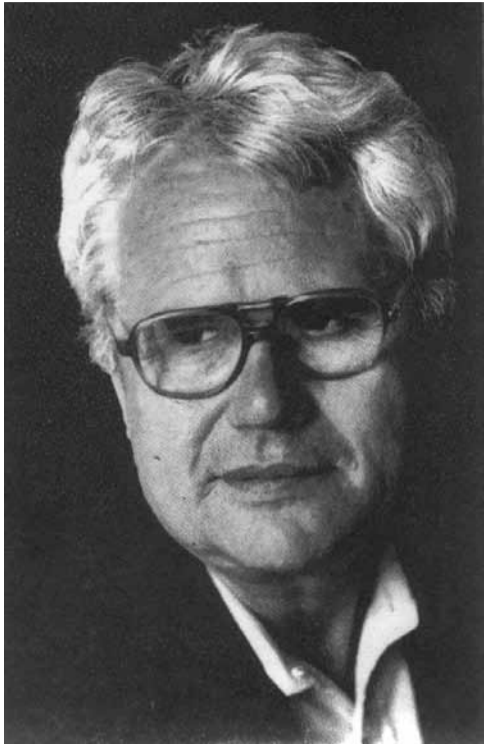
Сегодня в жизни каждого россиянина – независимо от возраста и убеленных седин – пришло время собирать камни: время тишины, время собирания себя. Путеводителем на этом нелегком пути – несомненно, станут стихи Сергея Хохлова! Низкий поклон ему за силу, которой дышат его камни. Долгие лета и новых поэтических книг!

Наталья Дроздова

ЮБИЛЕЙ

Сергей Хохлов

«КАКИЕ В НЕБЕ ОБЛАКА...»

* * *

Синяя вода криниц,
На холмах роса рассвета,
Трепет солнца и ресниц,
Хлебом пахнущее лето.

Мягкая трава, как нить, –
Льна и солнца невидимка.
Я к ручью прилег попить,
Всколыхнул прозрачность снимка.

Страстные глаза во мгле
Глянули неумолимо.
Сколько разбудил во мне
Мыслей странный этот снимок!

Сердце не боится чар.
Новое в крови волнение...
Светлая моя печаль,
Светлые мои виденья.

* * *

Ночь в поле трепетная, летняя,
Вдали низины скрыла тьма.
Играет музыка последняя
И сводит таинством с ума.

Нет, мне не страшно одиночество,
И да минет меня печаль.
Мне ничего уже не хочется,
Мне просто хочется молчать.

И слушать музыку последнюю,
Последний слушать скрип колес,
И ночь задумчивую летнюю,
И хруст в полынь упавших звезд.

* * *

Какие в небе облака
При лунном свете!
Клянусь, во век ничья рука
Таких не слепит.

Как бы под инеем листва,
Как бы монетки.
И льются звуки торжества
С небесной ветки.

И ощущаю страх в крови
Перед великим –
Никем не познанной любви
И вечным ликом.

* * *

Нет, не со страхом я гляжу
На море пенное в полночь,
Когда бегут толпами волны
На берег, – нет, я не дрожу.

Морским лавинам дан предел,
Они предела не нарушат.
Куда страшнее «волны суши» –
Ты их не сразу обнаружишь –
Тьмы, не имеющие тел.

От них душе не в радость свет.
А море страшно только в море.
Оно лишь в бурю с сухой в споре..
А злу людей предела нет.

Я озарен вечерним кленом,
Листом звенящим, как ледок.
Вдали на стынущее лоно
Опять туманец сизый лег.

Опять струя струи хрустальной,
Светлее травка от воды,
И белизны первоначальной
Полны небесные плоты.

Добро к живой душе приникло,
Дымок невидимый земной.
И в небе спряденная нитка
Дождя повисла надо мной.

И вновь возы с капустой хрусткой.
Хрустит здоровьем лист о лист.
Так много в белой той капусте
Улыбок чисто детских лиц.

* * *

Мы ехали с матерью и отцом
На дребезжащей телеге.
Телега подпрыгивала на бугорках,
Деревья подпрыгивали за канавой.
Пахло увядшей травой и липами.
Так пахнет листом
Перед самою жатвой...
Господи, как хорошо было ехать!
Неважно, куда и зачем –

просто ехать

С матерью и отцом.
Вдали – как в тумане –
в березовом царстве
Купол светился – не храма,
церквушки
Чистенькой-чистенькой –
как Богородица...
Я помню, как робко шагнул я
в обитель,
И свет ее кровью воспринял.

* * *

Федору Ивановичу Ворожбитову

Всю ночь по каменистым тропам шли.
А на заре – в глаза – разлив ромашек.
О белизна фарфоровых их чашек!
Мы рухнули на них, а не легли.
Казалось, день всходил из этих чаш.
Они всплеснулись в небо – и росины
Горячих нас, как ливень, оросили...
А в трех шагах
Вставал прибой, искрясь...
И рухнулся на камни, страшно злясь,
На линии – и спорной и бесспорной,
Которую столетья тщится море
Отвоевать –
Взревет и катится назад...
Зари потоп и волн зеленых скленье.
И мы. Нас было пятеро, я помню.
Я помню моря гневные наклоны...
А по холмам носилась птицы тень...

* * *

Я себе самый строгий судья...
Так порой я себя ненавижу!
И когда ненавижу себя –
Все грехи свои смертные вижу.
Святость светится только в святом,
В нем, посты наблюдающем строго...
Впрочем, каяться буду потом
Перед ним – перед Господом Богом.
В искушение входил и в соблазн,
Я рожден на земле искушений.
Вырвал бы соблазняющий глаз –
Только что это в мире изменит?
С вождельем на женщин глядел –
Весь мой норов открылся бесстыжий.
Так порой я себя ненавижу!
Вот ей-богу, в глаза б не глядел!

ДЕВУШКА С КУВШИНОМ

Мне кажется, когда уснут все в доме,
Она тихонько покидает раму.
И еще тише сходит на паркет.
И слышу я шаги ее босые
По комнате, когда уснут все в доме.

Мне кажется, что Гойя – полубог.
А, может, Бог. Он сотворил испанку,

Бездонной тьмой глаза ее наполнил
И пронизал таинственным сияньем.

Они меня нащупали во тьме,
Как будто тихо-тихо прикоснулись.
И вздрогнул я – она у стенки дальней
Посвечивала глиняным кувшином.

Казалось мне: в глазах ее – усмешка.
А может, грусть, а может, удивленье,
Что на плече жены моей усталой
Моя ладонь тяжелая лежала.

Я утром снова у знакомой рамы.
Загадочная девушка с кувшином
Глядит в меня – и по спине мурашки
Ползут...
Нет, кто он этот Гойя?

Несемся с визгом по спирали,
Чтоб там, «вверху», себя найти.
Как наши вены распирала
Потоки крови в том пути!

Мы жили с мыслью наивной,
Что угль нам в грудь вложил пророк.
Мы так ничтожно примитивны,
Как пыль, как прах из-под сапог,
Прошедших прежде...

Как тяжелы тщеславья цепи!
Брат брата рвем, как воронье...
«Народ меня потом оценит...»
За что тебя народ оценит?
За пустословье, за вранье?

Господь свое рассеял семя:
Одним – возрасти, сопреть – другим.
Не многих держит он на племя,
Но полной мерой мерит им.

ОДИНОКИЙ ХУДОЖНИК

О ком грустит он в тишине
Ночами в доме тесном?
О друге, детях, о жене?
Их просто нет. Звезда в окне,
Нечеткий профиль на стене
Марии неизвестной.
В стекло ударит ветка – звон...
Он вздрогнет, побледнеет...
На целый свет влияет он.
Лишь на нее – все дело в том –
Влиянья не имеет...

* * *

Вот досказаны смутные тосты.
Я ушел – и не пьян и не трезв.
Пахнут снегом вечерние сосны,
В этом что-то священное есть.

Хорошо, что молчат их вершины, –
Вековая стихия молчит.
Это только оценит мужчина,
Ибо кровь в нем веками кричит.

Здесь не надо ни женщин, ни песен...
Только вечность и мыслей поток.
Если сосны молчат в поднебесье –
Вопли грешников слушает Бог.

Кровью жизни могу поручиться
О присутствии мышцы его.
Если что-нибудь с миром случится –
Мир, наверно, достоин того.

* * *

Цветы не знали, что они – цветы,
И молча выходили из-под снега.
И, как птенцы, и ежась, и дрожа,
На мир глядели жадными глазами.

Им всем казалось, что и в небе солнце
Родилось тоже только что.
И скоро
На их полянке, теплой, как лошадка,
Оно приляжет и уснет до завтра.

И приходили дети на полянку,
Шумели и подснежники срывали.
Они совсем-совсем еще не знали,
Что их людьми назначила природа.

* * *

Сквозь сосновый штакет,
Сквозь дощечки смоленые
Вижу черные ягоды

Черной смородины.

Вижу в ломкой траве,
За смородиной черной,
Некрасивую девушку
С книжкой ученой.

Загорелая вся.
Только белые линии
Чуть повыше локтей
Прячет платице синее.

Некрасивых таких
В мире сотни и тысячи.
Мне смородины лист
В руку жаркую тычется.

Я гляжу сквозь штакет,
Сквозь дощечки смоленые.
В грустных пальцах верчу
Лист смородины...

* * *

Девушка черешни продает.
– Не черешни, – говорит, – а мед!
И, смеясь, бросает на ладошке
Крашенные зорями сережки.

– Сок у них особенный под кожей.
А на выбор, паренек, дороже.
Покупатель смотрит на черешни:
– Верно, удивительно!, но внешне.

Сам глазком на девушку косит.
– Ты попробуй, парень, раскуси!
Глянь на солнце – косточка видна.
Красота! И сходная цена.

Молча парень ягоду берет:
– Я уверен – это новый сорт!
И, с девчонки взора не спуская,
Говорит: – И выросла ж такая!

* * *

Я в степь тишиною и звездами взят.
Земли все сильнее притяжение ныне.
Степь, голубые росинки сквозят
На золотистой от месяца ниве.

Пыль поостыла. Приятно ступать.
Боже! Гнездо...
Носик к носу – дети! –
Перепелята пушистые спят.
Как они в сне все прекрасны на свете!

А перепелка – мать все-таки мать –
Так в своем гневе была безыскусна,
Билась!
И я в освещении тусклом
Боялся комочек рассерженный смять.

* * *

На опушке лошади пасутся,
Терпкие съедая щавеля.
И куда люди не проснутся,
Ждут,
Ушами тихо шевеля.

Ждут, устало вскидывая челки,
Мокрые от выпавшей росы.
Что-то люди не приходят...
Что-то
Лошади повесили носы.

Почему не кованы копыта,
На колеса не набито шин?
Лошадям не нравится у жита
Наглое урчание машин.

И стоят, и глаз в траву не прячут,
Очень умных, очень добрых глаз.
Лошади, наверно, тихо плачут,
Думая по-своему о нас.

* * *

Уж если нет надежды больше,
И душ, открытых слову, нет,
Пойду один с котомкой тощей
По жнивам через белый свет.
Все здесь закончено, тем более!
И все распродано, что есть.
Никто бродяге не позволит
На край родной земли присесть.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

ИВАН КАРАСЕВ

РУДОКОП

Кубанскому фантасту, кандидату в члены Союза писателей России Алексею Передерееву 6 июня исполнилось бы 44 года.

Именно так, еще при жизни Алексея Передереева я хотел назвать свою статью о нем. О нем и его фантастических повестях и рассказах. Знаю, не все бы ему понравилось в моем опусе. Сразу было видно, когда ему что-то не нравилось. Будто смеркался огонек в его глазах...

Познакомились с Алексеем в тяжелые для меня 90-е годы. Я тогда около года сидел без работы и частенько шлялся от нечего делать по разным литгостинным, литклубам... Всё пытался выгодно пристроить свои художественные работы. На одном таком вечере познакомился с шустрой, бойкой такой бабенкой. Представилась женой Алексея – поэтессой Ольгой Весниной. Она-то и настояла показать свои картины знающему человеку – экстрасенсу, целителю, ученику тибетских магов и гендиректору ТОО «Опус». Это потом я узнал, что Алексей был еще и писателем-фантастом, но тогда пришел к нему как к эксперту по внеземным цивилизациям. К тому же Ольга сказала, что мои картины – это некий код, расшифровку которого в Краснодаре знает только один человек.

Прихватив с собой клюкву на коньяке, я вдруг осознал, что для преодоления охватившей меня робости перед столь уважаемым человеком мне нужен компаньон. Здесь конкурса устраивать было не нужно. Спец по таким делам – моя добрая знакомая по институту Ольга (не путать с Ольгой, которая жена Передереева; все поначалу так и было запутанно, как и в моих рассказах из «Выри», которые я вскоре написал).

Алексей произвел на меня неизгладимое впечатление. Встретил он меня на пороге, без протезов, на которых обычно ходил, так вот по-домашнему. Я не сразу сообразил, что здороваться с ним удобнее левой рукой, поскольку правой практически не было. Спустя несколько лет я узнал страшную историю его физических мучений: семиме-

сячным младенцем он чуть было не сгорел из-за несчастного случая. И еще более зловещим казалось то, что случилась беда на православное рождество.

Я уже точно не помню, какие небылицы говорил мне Алексей (а надо сказать красноречием он был наделен нешуточным), но всегда тянуло в эту квартиру, где тогда он жил со своей женой. Сколько интересных было там встреч, однажды даже гадали на Крещение, и блюдец бегало по журнальному столику, не успевая отвечать на наши вопросы. Заходили на огонек автор «Факультета дуристики» Валерий Кузнецов, бывший председатель Союза писателей Кубани Виктор Иваненко... Да сколько было интересных персон!

Но главное, я узнал тогда, что Союз писателей существует не только в Москве, но и в Краснодаре. И туда можно вступить.

Так что благодаря знакомству с Алексеем я попал на первый в своей жизни семинар.

Первый фуршет, первые знакомства со своими рецензентами Виктором Ротовым, Александром Стрыгиным и Николаем Красновым. Эти встречи стали для меня судьбоносными.

Потом будет моя первая книга прозы «Выря», и первыми слушателями станут Алексей и гости его домашнего салона креативного творчества... Кстати, в один из таких вечеров на «передереевских посиделках» мне пришла в голову мысль сочинить язык Арахау, на котором могли говорить самые продвинутые во всей Ойкумене инопланетяне. Ведь в Арахау все человеческие слова становились короче в два, а то и в четыре раза.

...Надо порыться в своем архиве. Где-то ж была эта рукопись... Вот она! На желтой бумаге выведено корявым почерком – «Рудокоп». Задворки фантастического жанра и проза А. П-ва». Всегда представлял Алексея если не рудокопом, то голландским

боцманом (Передереев тогда ради прикола растил специфическую бородку).

Сколько книг им написано, не счесть. Но мне больше нравятся его ранние вещи, написанные по наводке его жены, – серия фантастических новелл, в которых происходит олицетворение достоинств и пороков. Пожалуй, самая проникновенная вещь – «Горбун». Вещь глубоко личная и понятно, что себя автор отождествлял с главным героем, маленьким, неказистым с виду, кривеньким, но чертовски талантливым, волшебным, наверное, существом.

Восхищало в Алексее желание не только быть как все (при первой встрече не каждый мог догадаться, что у него не было ног, как у Мересьева из «Повести о настоящем человеке»), но лучше. И просто каскад идей, проектов, задумок. До последнего дня жизни он думал о своем новом детище – журнале мистики и хоррора «Сумрачный гений», хлопотал о конкурсах, призах, пиаре в СМИ. Так получилось, что я последним из его друзей видел Алексея.

Встретились в ресторане японской кухни, в котором он любил бывать в последнее время. Выпили по рюмочке саке под водоросли. Потом проводил его до дома (после второго инфаркта ему было трудно ходить), он все хорохорился, бодрился, хотел еще покурить перед сном. А ближе к полуночи мне позвонила на сотовый его мать и сказала, что Леша не стало.

Что-то в душе оборвалось с этими словами и ушло за видимый горизонт бытия безвозвратно. Трудно терять друзей, но еще труднее избавиться от мысли, что не случись то-то и то-то, пожил бы человек еще. Как важно ценить каждый день, каждую встречу. Но все кажется, что все чудесное склонно буднично повторяться в назидание нашей скоротечной суетливости перед вечностью, которую мы не замечаем.

Стоило ему появиться среди людей, как со всех сторон раздавался смех...

Он старался быть незамеченным, но горб, который был похож на заплечный мешок, выделял Его из обычной толпы.

Горожане и ремесленники, покупающие и продающие товар на базаре, как будто бы специально выискивали того, над кем можно было посмеяться и, увидев Горбуна, отпускали в его адрес всевозможные реплики.

Ему было больно от того, что над ним потешаются, поэтому попадая на открытое пространство и не имея возможности спрятаться от насмешливых языков, быстро семеня маленькими ногами, карлик пытался укрыться в своем убежище – старой, заброшенной каморке возле базарной площади.

Порою целыми днями Он просиживал дома, боясь показаться на людях, и лишь наблюдал за суетящейся толпой сквозь маленькое окно, затянутое паутиной. Но голод все же заставлял покидать жилище, и Он вновь появлялся на базаре: читал стихи, пел песни, получая подаяние, состоящее из овощей и фруктов. Горбун снимал широкополую дырявую шляпу и низко кланялся дающим в знак благодарности.

После унижительных походов Он запирался в каморке и плакал, сознавая, что не может изменить свое положение. Он был еще молод, но иссушенное голодом и жгучими слезами лицо было похоже на лицо старика.

Успокоившись, он принимался за повседневные дела, что-то напевая себе под нос.

Ночами Его мучили кошмары: Он видел толстые свиные рыла, смеющиеся Ему в лицо. Пробуждаясь задолго до рассвета, Он рыдал, а в ушах продолжал звенеть хохот.

Он зажигал лучину, садился за старый кривоногий стол. Дрожащее пламя освещало мрачную каморку, а на стене появлялась еще более уродливая, чем сам хозяин, тень.

Поздними вечерами, а порой и длинными, бесконечно длинными ночами Он лепил, и это позволяло Ему забывать о горестях и обидах. Мягкая глина, послушная маленьким умелым рукам, превращалась в чудо. Порой даже голод отступал, настолько сильно овладевало карликом желание творить. Но это не могло продолжаться бесконечно, и голод опять гнал Его на базарную площадь.

Пришла зима, принес с собой метели, ледяной, насквозь пронизывающий ветер. Она была самой суровой из всех зим, которые пришлось пережить нищему.

АЛЕКСЕЙ ПЕРЕДЕРЕЕВ

ГОРБУН

Днем, безжалостные голод и холод гнали Его в кабаки, таверны и прочие места, где Ему могло что-либо перепасть. А снежными, томительными вечерами, закутавшись в старый шерстяной, изъеденный молью платок, подаренный несколько лет назад одной доброй крестьянкой, Горбун сидел у маленькой, жарко натопленной печи и рассматривал пожелтевшие картинки старой, замусоленной книги. Горел огонь, потрескивали поленья...

Он садился за стол и продолжал работать. У него не получалось, Он ломал, начинал вновь...

Шло время. Подходила к концу зима. Перед тем, как уступить права весне, она неистово лютовала, наверное, чтобы оставить о себе память.

Завсегдатаи прилегающих к базару кабаков давно уже привыкли к маленькому Горбуну, появлявшемуся то там то здесь, в неизменной большой шляпе и огромном рваном кафтане из серого грубого сукна, перетянутом теплым платком.

Случилось так, что несколько дней Он не появлялся, но любители выпить и повеселиться этого не заметили. Уже вовсю хозяйничала весна, сильнее грело солнце, и в один из таких дней кто-то случайно вспомнил о маленьком калеке. Без него на базарной площади было скучно.

Но Горбуна не нашли ни в одном из кабачков, куда Он часто заходил. Хозяева только пожимали в недоумении плечами. Но хотелось повеселиться, и несколько человек, бесцельно слонявшихся по базару, решили пойти к Горбуну. Никто и никогда не посещал каморки нищего. Дверь и маленькие окна, затянутые паутиной, навеяли страх на пришедших. И все же людское любопытство взяло верх: в двери долго стучали, заглядывали в окна, но там, внутри мрачной каморки, по-прежнему было тихо. И тогда они вышибли дверь.

Вломившись как стадо, они остановились на пороге от внезапно представшей перед ними картины: их встречал молодой парень с вьющимися волосами. Наконец они опомнились и поняли, что видят перед собой глиняную скульптуру, и только тогда решились войти в каморку...

Тяжелый спертый воздух ударил им в лица. На топчане под грязной циновкой лежал карлик. Казалось, Он спал... Кто-то подошел и толкнул Горбуна, и тут же прозвучал крик: «Он мертв!» Все как будто оборвалось, наступило молчание...

Его похоронили скромно: просто закутали в холст, положили в ящик и, заколов досками, маленькой процессией отнесли на кладбище. Как истинно-добрые христиане они помянули усопшего.

Через девять дней, посреди базарной площади, появился постамент, на котором установили скульптуру молодого красивого человека с ясным счастливым лицом, удивительно похожим на лицо Горбуна. Он протягивал вперед руку, сжимая в ней цветок, подобный сердцу. А внизу, у самых ног, была сделана надпись рукою мастера: «Дарю сердце свое людям! Пусть оно принесёт им Счастье! Талант».

СТУДЕНТЫ ПИШУТ О ВОЙНЕ

Просто жить

рассказ

За окном уже было светло. Марья Ивановна приоткрыла правый глаз и глянула на солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь решето оконной занавески. Совсем уже весна. Тепло. Наконец-то.

– Марь Ивановна, Марь Ивановна, где же вы, голубушка. Вам тут письмо пришло.

Остатки сна как рукой сняло. Растрепанная женщина тут же подскочила на кровати и накиннула на плечи цветастый платок. В дверях стояла женщина лет тридцати с сумкой наперевес. Она радостно улыбалась и теребила бумажный треугольник хуленькими ручками.

– Женечка, заходи, моя хорошая, что ж ты на пороге-то стоишь.

Марья Ивановна жестом показала на стул за обеденным столом, а сама подбежала к примусу и зажгла огонь под пузатым чайником.

Почтальонка решительно скинула галоши и уселась на стул.

– Вот, только что получила и сразу же к вам. Читайте скорее.

Женщина взяла в руки письмо, на котором до боли знакомым почерком было написано: «*Ася Листикова*». Марья Ивановна развернула его и стала читать вслух, быстро прогая своими большими серыми глазами по коротким строчкам.

«Здравствуй, дорогая мамочка. Извини, что долго не писала, не было времени. У меня всё хорошо. Нас с Настей обещали наградить за последний вылет, так что можешь гордиться мной, как отцом. Погода у нас пасмурная, в последнее время зачастили дожди, но, говорят, скоро жара настанет. Поскорее бы, а то совсем тоскиливо стало.

К нам недавно приезжали с концертом. Пели и плясали. Нам с Настей очень понравилось, особенно военные песни. Они поднимают боевой дух, и жить дальше хочется. Была песня и про маму. Я даже всплакнула под конец, потому что тоскую по тебе уж очень сильно. Всё бы ничего. Да вот только от тебя далеко. Как обняла бы тебя сейчас, да и не отпускала час или два, а может и больше.

У нас новый повар в отделении, готовит вкусно. Пытается разнообразить наше скудное военное меню. Бывает, сядем за стол и давай вспоминать, кому что дома мамы и бабушки готовили, и у всех слюнки во рту. Так хочется домашнего!

У меня для тебя радостная новость. Помнишь Василия? Я тебе о нём писала в прошлых письмах. Так вот, мне кажется, что он мне скоро предложение сделает. Заранее точно говорить не буду, но всё к тому идет. Поэтому я хочу начать готовиться к свадьбе уже сейчас. Помнишь, мы у портнихи кружачки видели белые. Хочу такие. Понимаю, что в нынешнем положении на многое рассчитывать не приходится, но я хотела бы белое платье. Не важно, из какой ткани, главное, чтобы белое и с кружачками. Ты там пригляди отрез для меня. Спасибо, моя родная.

Вот вроде и все новости. У нас пока покойно, но поговаривают о новой волне наступления. Но ты не волнуйся, мы себя в обиду не дадим. Я у тебя живу.

Люблю тебя, обнимаю и целую. Женечке привет, до встречи, до побед.

Ася.»

На глазах у Марьи Ивановны предательски блестели готовые вот-вот сорваться с глаз крупные слезинки. Женечка улыбалась, потягивая чай с сухариками.

– Вот так, Женечка, уже и дочь замуж собралась...

– Правильно, чего тянуть, коли любовь есть – самое время.

– Только бы вернулась целая. Наградят, говорит. Вся в отца – лётчица с боевыми наградами. Только бы вернулась. А Семен с того света за нас радоваться будет.

– Конечно, Марь Ивановна, Аска – она сильная, никуда не денется. А вы ответ писать будете?

– Конечно, Женечка. Как же без ответа.

– Тогда я пошла дальше письма разносить, а вы садитесь и пишете, на обратном пути зайду и заберу.

Женя встала, отодвинула от себя пустую кружку и направилась к выходу. Надела свои галоши, попрощавшись, вышла на залитую солнечным светом террасу.

Марья Ивановна еще минуточку сидела за столом, глядя в выходящую в скачущие по строчкам буквы. А потом, словно опомнившись, вскакнула, подбежала к шкафу напротив стола, в одном из выдвижных ящиков взяла лист бумаги и ручку, направилась к столу, на пару секунд задумалась о своём, посмотрев на висящий на стене портрет покойного мужа, затем стала писать ответ дочке.

«Дорогая моя Асенька, очень рада твоему письму. Давно не получала вестей.

Рада за тебя и Настеньку. Горжусь вами. Вот смотрела только что на портрет отца и думала, что ты вся в него. Такая же смелая и отважная лётчица. Жаль, что его уже нет с нами. Война. Все

Марья Ивановна смахнула с щеки слезу и отложила ручку. Взяла в руки письмо и приложила к губам. Поцеловала. Потом сложила конверт, написала адрес. Погладила рукой и отложила на середину стола.

Через полчаса на пороге опять появилась Женя. Ее сумка значительно похудела. А по виду было заметно, что сегодня плохих вестей не получил никто.

– Марь Ивановна, а вот и я.

– Уже всех обжала? Как ты быстро.

– Старалась. Ну что, написали ответ?

– Конечно. Вон на столе лежит, – кивнула на конверт женщина, отряхивая руки от муки.

Женечка подошла к столу и взяла конверт, пробежала по строчкам, убедилась,

время переживаю за тебя, мало ли что на вылете случится может. Что тогда я, старая, делать буду?!

Живём мы по-прежнему. Женечка носит мне твои письма, мы их вместе читаем. Ей все интересно. Она мне как дочь стала. Помогает, пока тебя нет. В огороде уже подсыхает, скоро будем сажать картошку. Мне дядя Ваня дал полведра. Будем стараться. В деревне совсем пусто, всех забрали. Одни женщины остались да старики.

Ты пишешь мне про Васю. Я очень рада за тебя, моя девочка. Главное, чтобы человек был хороший, а остальное приложится. Про платье ты мне вовремя сказала. Я как раз перебирала наши старые запасы тканей, твоё приданое, и наткнулась на белоснежный ситец. А про кружачки не переживай, я попробую найти у кого-нибудь. Будешь у меня самой красивой невестой. Будем вместе жить, внуков мне родите. Что еще для счастья на старости лет надо?

У меня для тебя тоже есть радостная новость. Совсем недавно, не знаю, слышала ты или нет, были освобождены Славянский и Лабинский районы. В двадцатых числах марта. Скоро конец этой бойне. Я тебя увижу!

Дорогая Асенька, пиши мне почаще. Понимаю, что времени нет, но ты уж постарайся. Жду нашей встречи. От Женечки привет. Скууча. До следующего письма.

Мама»

что все написано правильно. Марья Ивановна улыбнулась.

– Ты на почту сейчас?

– Ага, – уже на пороге отозвалась девушка.

– Приходи на ужин, расскажешь, чего нового у других.

– Обязательно! – крикнула почтальон, закрывая калитку.

Женечка всегда работала на почте. Сразу после школы ее привела туда мать. А ей понравилось. Она никогда не думала, что именно ей придется после смерти матери взять управление почтой на себя.

Когда началась война, Женечка сначала хотела уйти на фронт, но почта не на кого было оставить. Кто сказал, что работа почтальона легкая? Может, это и так, но только не в военные годы. Бедная Женечка. Она знала всех, кто ушел, и всех, кто ждал. Они все казались ей родными, близкими. Куда бы она ни пришла с письмом, её посвящали в его содержание. Волей-неволей начинаешь прикипать сердцем к каждому дому. Самое страшное началось для Женечки, когда она впервые получила извещение о гибели солдата. Она смотрела на него с изумлением и не могла понять, что с этим делать. Как она может принести ужасную весть в дом, где ещё вчера с надеждой читали письмо сына? Но шло время, таких извещений становилось все больше, и Женечка стала потихоньку привыкать к тому, что именно ей придется делать это.

Порой, бывает, получит она поздно вечером почту и всю ночь плачет: ещё кто-то

умер – утром сообщать. Поэтому она была в хорошем настроении всегда, когда получала просто письма. В последнее время таких дней было гораздо больше, чем в первые годы войны. Жене уже начало казаться, что так теперь будет всегда, и она больше не получит ни одного плохого извещения. Даже когда она думала об этом, то крепко замуривала глаза и мотала головой, выбрасывая эти мысли, чтобы не сглазить.

К Марье Ивановне она относилась как к матери. В начале войны у Марьи Ивановны погиб муж, дочь ушла на фронт, вот они и сдружились. Никого у них не было, кроме друг друга. Женечка любила бывать у этой женщины в гостях. У Марьи Ивановны в доме всегда было уютно и тепло. Да и она сама излучала доброту всем сердцем. Женечка делилась с ней радостями и огорчениями других семей, а Марья Ивановна рассказывала о своей жизни, об Асеньке. Они вместе читали её письма и ждали возвращения. Так и шли военные денечки.

– Женя, получай новую почту, – крикнул Павел, открывая заднюю дверцу машины, на которой он развозил письма и посылки по селам.

Женечка выбежала из здания почты и взяла связанную стопку писем. Они ещё минут пять болтали о новостях, а потом попрощались. Женя занесла письма и положила их на край стола, решила взяться за них позже, когда закончат уже начатые дела. Закончила она поздно, был уже четвертый час ночи, глаза у нее закрывались. Глянув на письма, она решила, что встанет пораньше и тогда разберёт их. Так и уснула.

Утром, когда уже солнышко стало светить в ее окно, Женя потянулась на кровати и в одной сорочке принялась разбирать письма. Она просматривала их одно за другим.

Дойдя до конца стопки, она с ужасом обнаружила столь знакомое злополучное извещение. Она зажмурила глаза, словно думала, что это ей кажется, и резко открыла, но лист по-прежнему лежал на столе. Тогда она поднесла его поближе, чтобы прочесть.

По ее щекам бежали слезы, когда она выбежала из дома в сапогах и кофте, надетой наспех поверх сорочки. Столь знакомый путь, который она каждый день проходила с радостью, теперь казался ей непреодолимо долгим и тяжелым. Она бежала быстро и уже через пять минут свернула на нужную ей улицу. Она замедлила шаг и постепенно перешла на шаг. По улице навстречу Женечке шла Марья Ивановна. Она заметила девушку и помахала ей чем-то белым, напоминающим ленту для волос.

Женя остановилась. Ее ноги словно приросли к земле, она не могла и шагу ступить по направлению к Марье Ивановне. Женщина издали глядела на Женю. В её голове настойчиво стучала одна и та же мысль.

Громко вскрикнув, женщина побежала. Женечка, сделав усилие над собой, побежала навстречу. Когда они встретились посередине улицы, уже не надо было ничего объяснять. Марья Ивановна упала на колени и громко рыдала. Женечка сидела на земле рядом с ней, крепко сжимая вздрагивающие от плача материнские плечи. Горькие слезы лились из глаз. Женщина судорожно сжимала в руках краешек белоснежных кружачков, которые размотались и теперь лежали в грязи. Извещение, выпавшее из рук Женечки, опустилось рядом.

«В ночь с 3 на 4 апреля лётчицей 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка Асей Семеновной Листиковой был совершен вылет во вражеский тыл в ходе прорыва обороны «Голубой линии» на Таманском полуострове. В результате решительных действий экипажа самолета были уничтожены стратегически важные объекты вражеских войск. При выполнении боевой задачи самолет был подбит. Экипаж самолета погиб. Было принято решение наградить Листикову Асю Семёновну званием Героя Советского Союза посмертно.»

Так и сидели они, обнявшись, плакали... Из уст Марьи Ивановны непрерывно звучал один и тот же вопрос:

– Что же мне теперь делать?

– Жить. Просто жить... – шептала ей в ответ Женечка, сильнее сжимая её вздрагивающие плечи.

**Даренко Диана,
КГУ, факультет журналистики, 2-й курс**

